

Симоновский Леонид Меерович.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..." "

Моя семья: отец – Меер Наумович, мать – Вихна Абрамовна, сестра – Фира – Симоновские. Погибли при уничтожении гетто в городе Могилеве. Беларусь.

ТЕТЯ ПОЛЯ

Заборы в лопухах и крапиве тянутся вдоль кривой речки, не вытекающей за день, и отдают гнилью. За ними дома заросли, как будто там живут одни больные. Ночь налегает колючей мешковиной и дерет спину. Нырнуть бы в чей-нибудь двор, где не шевелятся даже тени. Забраться под дом и убедиться, что за тобой никто не зырит. Наконец залез в уборную и притаился. Ноги, гады, чешутся, зудят, кажется, что по ним букашки бегают. А кузнечики сверлят, аж уши закладывает. Я в вонючем дощатом гробу, поставленном на попа в конце огорода. Так, наверное, люди живут на том свете. А я не умер до конца, меня могут схватить. Тут люди больные, - уговариваю себя, - лежат себе под одеялом, укрывшись с головой. Мурашки по ним не ползают, могут спокойно смотреть даже самые страшные сны и не подсчитывать на пальцах, сколько осталось до утра.

Ночь тягучая заползла в каждую дырочку и скребет черным усиком. А то выскочит старой псиной и начнет кусаться. Ночь, зачем ты заставляешь людей спать? А если им негде? Пальцы считать? Раз, два, три, четвертый без морды, а пятый спятил.

Пять шагов до крыльца, больших, с припрыжкой. Если кто появится, скажу – живот болит. Такое бывает, когда огурцами объешься, желтыми, пузатыми, с семечками сопливыми.

Над крышей луна, как семечко тыквы, бледная,

паутинистая.

И вдруг дверь дернулась. Механически поднял крючок. Стоит тетка. Обыкновенная. Босые ноги в галошах. Совсем не страшная.

Иди в дом.

Сказала, повернулась и пошла. Не оглядывается. Спина ровная, спокойная. Бежать? Не бежать? Заходим. В сенцах вижу: в помятом ведре бульбяная шелуха, розовая с сырыми комочками прилипшей земли от недавно выдернутых клубней. Дверь за теткой захлопнулась, и я бросился набивать карманы. Я обомлел, когда дверь вздрогнула вновь. Попался. Захожу на столе целая миска щей. Алюминиевое серебро парилось печным жаром и казалось на свете никаких ночеволков нет и никому не страшно. Ныл, надувался живот, а я еще ел бы и ел.

Ешь, ешь, давно так ходишь?

Все время.

Больно приметный. По вашим одежкам здесь тебя сразу определяют. Надо из города двигать.

Тетка вздыхает, стоит, как сноп перевязанный.

Керосиновая лампа сочится сладковатым светом, неслышно колеблется над фителем золотая луковица. Хвостом стекло коптит. Тянусь, чтоб убавить фитиль.

Не надо, спать пойдём.

Неохота двигаться. Наелся, осоловел. Столешница под рукой гладкая, теплая, так бы и сидел, глаза закрывши. Доносится:

Завтра будем думать, что делать.

“Что делать?” – носилось во сне в моей башке, пока я не догадался объяснить тетке, что бояться ей нечего, только я знаю, что она есть. Пусть не высовывается во двор, и все будут думать, что она умерла, или уехала в деревню, где старики никого не помнят, а молодых постригли в солдаты. Сразу стало легко, и я полетел в беспамятстве. Две теткы ладони

под моим животом бережно колышут меня, словно в люльке. Я невесом и тоньше нательной рубашки, раздуваемой на ветру облаком. Так бы летел и летел, не пробуждаясь, не замечая, что окна стали прозрачными, а за ними щетинится другой мир.

Скулила надрывно собака. Подвывала, как будто учуяла покойника.

В дом просится, малая еще, не хочет сидеть в будке, боится ночью одна.

Заговорил пацан, уставившись на меня.

Хозяин у нее, что фриц. Сказал, что если не заткнется, лопатой пришибет. И сын его сцуль полоумный.

Сева, - оборвала его мать. - Не хорошо так выражаться. Сходи за водой, да не набухай полное ведро, не корячься.

На столе дымилась картошка. Когда тетка встала, может, и вовсе не ложилась? Говорит мне:

Ты про себя не болтай, а то поумнеть не успеешь. Молчи, как партизан. И в городе оставаться тебе нельзя.

Я ощущаю, как расступаются подо мной теткины руки. Молча смотрит на меня алюминиевая миска. Тетка подкладывает.

Ешь, ешь, - подгоняет. А у меня ком в горле.

Леня, - называет меня по имени, - понимаешь, надо уходить. Двигайся к партизанам по Бобруйскому шоссе. Если что, в дальнем углу забора будет стоять тебе еда. Смотри, чтоб никто не видел.

Я приходил, каждый раз замирая, отодвигал в сторону доску, а там и в самом деле стояла драгоценная миска с кирпичом на крышке, луженое солнце, согретое ее руками.

Пошел по деревням. Выйду к мосту – стоит мужик с белой повязкой на рукаве. Ясно, полицай. Я – в сторону. Речку со страхом пополам перемахну, тащусь дальше. Опять мост, и мужик, без повязки, но кто его знает, и где она, партизанская зона?

Есть все время хотелось. В деревне выпросить куснуть попроще. Да и заночевать в копне, или залезть в сарай. Но и там оставался червяк червяком на дороге, на которой каждый тебя мог раздавить.

Но встречалось и чудо, как эта тетка, тетя Поля. Полина Тимофеевна Кузьмина.

Я слышал голос ее. Я видел на земле святую женщину. Ее спина не была согнута, руки не были воздеты к небу. Она просто стояла. При имени ее помолитесь, про себя, тихо, чтоб никто не видел. А ее душа надо мной пусть летает. Я осторожно подставляю ей свои ладони.

Вся бедная, бедная вера. Всего-то Человеческая.

Леонид Симоновский.

17.09.2012 – 29.10.2012